

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК

5 (68)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1 9 6 0

РЕЦЕНЗИИ

ВАЖНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ЭЛАМСКОМУ ЯЗЫКУ

(Herbert H. Paper. The Phonology and Morphology of Royal Achaemenid Elamite. Ann Arbor, The University of Michigan Press, 1955, 119 стр.)

Эламский язык изучен значительно слабее других языков древнего Востока. До сих пор мы не имели никакого грамматического очерка этого языка, кроме сильно устаревшей справки Ф. Вайсбаха, приложенной к его изданию ахеменидских надписей второго столбца.¹ Этот пробел заполняет рецензируемая работа Г. Пейпера „Фонология и морфология эламских надписей ахеменидских царей“.

Значение исследования Пейпера состоит в том, что оно, как говорит в предисловии сам автор, „дает новый подход ко всей проблеме в надежде, что когда подобные исследования других диалектов эламского языка будут завершены, мы будем в состоянии лучше понять развитие этого языка и, возможно, открыть ключ к не поддающимся пока разрешению вопросам его первичного родства. Думается, что анализ сохранившихся лингвистических данных согласно системе современной лингвистики сможет содействовать более глубокому освещению этого языка“. Совершенно верно, что без знания остальных диалектов нельзя составить себе определенное представление не только об эламском языке в целом, но и о родстве с теми или иными языками. Тщательная и исчерпывающая разработка отдельного диалекта и периода языка вполне оправдана и необходима, однако следует пожалеть, что Г. Пейпер счел возможным совершенно отвлечься от фактов более ранних периодов языка; учет их в некоторых случаях должен был бы повлиять на его выводы.

¹ F. H. Weissbach. Die Achämenideninschriften zweiter Art. Leipzig, 1890; еще см. по частным вопросам: T. Kluge. Das Elamische. Le Museon, XLVI, 1933, стр. 111—156; G. Hüsing. Die Sprache Elams. Breslau, 1908; F. Bork. Elam. B. Sprache. Reallexikon der Vorgeschichte, III, 1925; R. Labat. Note sur la conjugation elamite. Journal of cuneiform studies, v. I, 1947; W. Hinz. Elamisches. Archiv Orientalni, vol. XVIII, № 1—2, 1950; G. G. Cameron. The Persepolis Treasury Tablets. Chicago, 1948; И. М. Дьяконов. О языках древней Передней Азии. Вопросы языкознания, 1954, № 5, стр. 43—64, и другие работы.

Автор анализирует и дает свое толкование некоторым грамматическим формам и даже предлагает нередко новый перевод или измененное чтение отдельных знаков. Так, привлекает внимание следующее наблюдение автора. Речь идет о важном для характеристики социальной истории § 13 (§ 14 по персидской версии) второго столбца Бехистунской надписи. Здесь говорится, что маг Гаумата отнял у „народа“ (tašsu. p) ... a-ak ... a-ak kurtaš a-ak ulammani. p. ma ... u ... „и домашних и все (что) в домах“. Это место как эламской, так и персидской версии¹ было предметом долгих споров, единства взглядов нет и сейчас.² Г. Пейпер для двух знаков, а именно lu и ás, предлагает новое чтение. Второму знаку он дает идеографическое значение ZIZ (в шумерском „полба“) и предлагает понимать термин как „сельское хозяйство“ (agriculture). Первый знак автор также понимает как идеограмму: UDU (шум. „баран“). Слово тем самым полностью читается как UDU-taš — „стадо“ (стр. 6). Предложенное Г. Пейпером чтение представляется весьма интересным, тем более, что оно основано не на абстрактном рассуждении.

Автор соглашается с мнением Вайсбаха, что удвоение согласных во многих словах является чисто орфографическим (стр. 7). Свои доводы он подтверждает многочисленными примерами. Но, нам кажется, это положение не оправдано применительно к удвоению в глагольных основах. Речь идет о форме 3-го лица единственного числа глагола tal-li-iš — „он написал“. Этот глагол всегда встречается с двумя плавными согласными, и не засвидетельствовано, чтобы когда-либо эта форма писалась посредством одного плавного согласного „l“. Нет сомнения, что основа глагола звучала tall-, а не tal-, как полагает Г. Пейпер (стр. 8).

Написание согласный — гласный — гласный — согласный им называется „разбитой гласной“ (broken-vowel), как например в словах, вроде da-is, du-is. Опровергая существующее мнение, что оба гласных имели свое фонетическое значение, автор, вслед за Халлоком, принимает то положение (на которое в свое время указывал и Вайсбах), что в сочетании знаки типа da-is, du-is произносились не так, как писались, а с отпадением второго гласного, т. е. das, dus, что означало шаг по пути к алфавитному принципу письма (стр. 9). На основании многочисленных примеров Г. Пейпер показывает, что употребление различных гласных в одном и том же слове в системе broken-vowel не дает нового ни фонетического, ни морфологического значения. Все это — чисто графические варианты (стр. 9—15). Далее на основании примеров и сравнений с древнеперсидскими словами там, где это воз-

¹ Вавилонская версия этого места не сохранилась.

² См.: В. О. Тюрин. К установлению значения социально-экономических терминов Бехистунской надписи. Труды Института языкознания АН СССР, т. VI, 1956, стр. 499—525.

можно, автор показывает, что многие гласные и согласные, фигурирующие в письме, не произносились в разговорной речи (стр. 12—15).

В разделе фонетики автор подробно рассматривает все звуки эламского языка. В отличие от предыдущих исследователей, он приходит к выводу, что в надписях ахеменидских царей имеется три фонемы: „а“, „i“, „u“. На основании некоторых примеров он показывает, что знаки для „е“ и „i“ чередовались и, по сути дела, выражали одну фонему (стр. 16—17). Однако это положение, видимо, нельзя распространить на все случаи, и наличие фонемы „е“ в живом языке не должно вызывать сомнения. Далее автор берет под сомнение наличие фонемы „о“ (17). Надо отметить, что эламитяне пользовались клинописными знаками, принятыми у вавилонян и ассирийцев. Естественно, что при передаче эламских слов аккадским письмом происходило искажение его фонетического состава, так как многие звуки невозможно было передавать посредством этого письма. Поэтому предположения о том, что в эламском есть отсутствующие в аккадском фонемы, в частности „о“, основаны не на фактах полной передачи этих фонем посредством письма, а на догадках, построенных на отдельных формах написания. Все же мы склонны думать, что звук „о“ существовал в эламском. Согласные звуки в эламском языке следующие: р, t, k, h (неустойчив), s, š, y, r, n, l, m и аффрикат lt. В частности, на основании последнего звука была высказана мысль о родстве эламского с кавказскими языками (стр. 33—34). Надо отметить, что наличие каждого звука автор подтверждает многочисленными примерами, которые извлекаются также и из передач древнеперсидских и вавилонских слов (стр. 19—36).

Раздел глагола представляет особый интерес. Здесь даны все глагольные формы, встречающиеся в надписях ахеменидских царей. Глаголы автором разделены на классы. Различаются группы глаголов, оканчивающиеся на гласные: а, i, u, с чередованием а-і, а-и, і-и, а-і-и, с нулевой основой. Каждая группа исчерпывающе иллюстрирована примерами из надписей. Кроме того, приводятся примеры для доказательства удвоения глагольного корня (стр. 38—41).

Далее подробно рассматривается спряжение глагола по лицам. Известны окончания следующих лиц в надписях ахеменидских царей.

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е лицо	1-е лицо -ut
2-е „ -ti, -ta	2-е „
3-е „ -s	3-е „

Второе и третье лица множественного числа не засвидетельствованы в упомянутых надписях. Это — окончания изъявительного наклонения, которое автор называет „declarative“ (стр. 41). Автор анализирует гла-

гол в надписях ахеменидских царей как состоящий из следующих пяти элементов: глагольная основа + гласный основы + время + лицо + модальность. В некоторых случаях гласный основы отсутствует. Элементы 3-й и 5-й обычно отсутствуют, а в декларативе позиция 3-я — нулевая (стр. 44).

Из относительной (relative) формы глагола засвидетельствованы 1-е и 3-е лицо единственного числа. Окончания эти присоединяются к изъявительной форме: -ra или -ri — это 1-е лицо -s-da или -s-ti (стр. 47—50).

Прекативные (precativе) суффиксы встречаются лишь во 2-м и 3-м лицах, причем также присоединяются к суффиксу изъявительного наклонения. Например, 2-е л. — -ti-ni; 2-е л. — -s-ni (стр. 50—51).

Об отдалительном (remotive) наклонении свидетельствуют суффиксы -k 3-го лица ед. ч. и -p мн. ч. Суффикс -k Вайсбах называет суффиксом аориста для „непереходного и пассивного спряжения“. Г. Пейпер же отрицает наличие в эламском отдельных непереходного и переходного спряжения и для данной формы принимает термин remotive. С его точки зрения, глагол в этой форме показывает, что действие должно было совершиться в прошлом и еще не совершено (стр. 51—55). Автор убедительно доказывает это положение. Но все же пассивный характер формы с суффиксом -k невозможно отрицать; во-первых, на это указывает древнеперсидский вариант, во-вторых, пассивной конструкции требует перевод на другие языки; последний аргумент, впрочем, автор считает необоснованным, и, наконец, в ранних хозяйственных текстах в большинстве случаев невозможно другое понимание этой формы, кроме как пассивной. Точнее говоря, это — форма, выражающая состояние.¹

Далее автор рассматривает повелительное наклонение, инфинитив (у него purposive) и различные неправильные и редкие формы глагола. Этот раздел, как и другие, богат фактическим материалом: каждая мысль автором подкрепляется примерами из надписей ахеменидских царей.

В разделе имени существительного автор различает девять падежей — конечно, как отмечает он сам, падежей не в индоевропейском, семитском или финно-угорском значении этого термина (стр. 63). Падежи образуются путем присоединения к имени соответствующих суффиксов (или, скорее, энклитических послелогов). В надписях ахеменидских царей Г. Пейпер различает следующие падежи (приводим его схему „падежных окончаний“):

¹ Форма, называемая Г. Пейпером remotive, является, в сущности, аналогичной предикативной форме имени и происходит из нее.

Nominative	нулевое окончание
Genitive	-na, -ni
Accusative	-n, -r или нулевое окончание
Allative	-ki, -ka
Separative	-mar
Locative	-ma
Superessive	-uku, -uki
Resultative	-ki, -n, -r
Ablative	-ki/a, -mar

В письме суффикс *allativ'a* передается как *-ik-ki//ak-ka*. Поэтому нельзя принимать только *-ka, -ki* за суффикс этого падежа, ибо остается неясным — почему пропадает предыдущий *-k* из удвоенной формы *-(i)kki, -(i)kka*, тем более, что этот *-k* не относится к основе имени и сам по себе не имеет никакого грамматического значения. Между тем неудвоенное написание этого послелога не встречается. То же самое можно сказать о написании и звучании относительных местоимений *ak-ka* и *ar-ra*, которые, по мнению автора, должны были звучать как *aka* и *ara* (стр. 91). Такое толкование этих и им подобных слов не оправдано и излишне усложняет понимание особенностей этого языка.

Необходимо еще отметить, что число падежей в надписях ахеменидских царей вряд ли целесообразно исчислять в таком количестве, тем более, что в некоторых случаях они по своему значению соответствуют друг другу. Так называемые *allative* и *resultative*, по сути дела, выражают почти аналогичные отношения и имеют аналогичные падежные показатели, с тем только различием, что к показателю *allativ'a -ikki* в *resultativ'e* прибавляется еще и суффикс, если так можно назвать, *accusativ'a -n, -r*, т. е. *-ik-ki-in, ik-ki-ir*. Но от этого функция и смысл падежей не меняются: в том и другом случаях эти показатели указывают направление движения. Поэтому нет надобности *allative* и *resultative* рассматривать как отдельные падежи: *resultative* есть в сущности сложение двух послелогов. То же самое следует сказать относительно двух других падежей, а именно так называемого *separative* и *ablative*. В первом случае падежный показатель *-mar*, во втором *-ki/a-mar*. Там и здесь падежи обозначают исходную точку движения.

Множественное число выражается путем добавления морфемы *-r* между именем и падежным показателем. Далее автор подробно останавливается на каждом падеже в отдельности. Он рассматривает также наряду с отвлеченными суффиксами некоторые другие показатели, значения которых до сих пор не были ясны (стр. 69—90).

Раздел местоимения и несклоняемых слов (союзы, наречия, отрицание и т. п.) также богат фактическим материалом. Вызывает сожаление то обстоятельство, что к книге не приложен словарь. Это по-

звонило бы использовать работу Г. Пейпера не только специалистам, но и исследователям других языков.

Несмотря на указанные мелкие, порой несущественные недостатки, работа Г. Пейпера — теоретическое исследование эламского языка — является крупным шагом в области эламитоведения. Появление „Фонологии и морфологии эламских надписей ахеменидских царей“ — отрядное явление в науке о древнем Востоке.

Ю. Б. Юсифов.

ВЫДАЮЩИЙСЯ ТРУД ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ

(Gyula Moravcsik. Byzantinoturcica. I. Die byzantinischen quellen der Geschichte der Turkvölker. XXVIII+609. II. Sprachreste der Turkvölker in den Byzantinischen quellen. XXV+376. Zweite durchgearbeitete Auflage. Akademie-Verlag, Berlin, 1958)

Второе издание книги академика Венгерской Академии наук Дьюлы Моравчика — выдающееся событие в научной жизни востоковедов и византиноведов. Богатейший материал, привлеченный автором, тщательность его обработки, необъятная библиография делают этот труд настоящим по вопросам источниковедения. История многочисленных тюркских народов нашла свое отражение в трудах византийских хронистов, и долгие годы разысканий профессора Моравчика позволили ему дать свод этих материалов. Лучшее всего с этой книгой может ознакомиться общий обзор ее содержания.

В своем введении к первому изданию, перепечатанному во втором издании (стр. VII—XX), автор указывает на основные принципы, по которым он составлял свой труд, отмечает трудности, с которыми он встречался в процессе своей работы, к числу которых он относит, в частности, вопрос об именах. Автор дает список этих имен (стр. XIV) и особо говорит о необходимости считаться с так называемыми „арханизующими обозначениями“ (стр. XV), с которыми приходится встречаться в источниках (например, наименование гуннов скифами или булгаров мизиями и др.). Стремясь дать и возможно полный список собственных имен, Д. Моравчик предупреждает, что его ономастикон не является, однако, этимологическим словарем (стр. XVII).

В предисловии ко второму изданию даны дополнительно новейшие источниковедческие работы и уточняется принцип, по которому был подобран материал. Для автора основным критерием отнесения данной народности к числу тюркских был язык, на котором „говорил или говорит“ данный народ, т. е. один из тюркских языков или родственной им язык (стр. XXV).